

10. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 159 с.
11. Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
12. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 230 с.

*Наталья Владимировна ДРОЖАЩИХ —
заведующая кафедрой английской филологии,
кандидат филологических наук*

УДК 800.22

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ С ИНИЦИАЛЬНЫМ [В] (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ «БЕОВУЛЬФ»)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу о едином семантическом пространстве одного из фрагментов древнеанглийского лексикона, изучаемого в звукосимволическом ключе.

The existing vocabulary of Old English is classified according to both phonetic form and semantic domains to see whether initial phonemes and words containing these phonemes are more or less prevalent in certain semantic domains than in others.

В статье анализируется иконическое семантическое пространство фрагмента «лабиального» лексикона, в частности, лексики с инициальным [b], организованное по принципу звукосимволизма (о проблематике иконичности, фоносемантики и звуко-символизма см. [3; 1; 2; 10; 16; 14; 15; 13]). Одним из основных положений теории иконичности является утверждение о тесной взаимосвязи звука и значения, о генетической мотивированности звука как ведущей знаковой субстанции языка. Вопреки тезису Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака, «связь, соединяющая означающее с означаемым, или, что то же самое, последовательность фонем со смыслом, является необходимой» [10; 42, 89]. Согласно закону иконичности знака, выдвинутого С. В. Ворониным, знак в своих истоках является естественным, произвольным образованием, а семиогенез в целом — естественен, произволен, иконичен, (звуко-)изобразителен [2; 138]. Поскольку значение неразрывно связано с формой, и так же как форма обладает собственной энергией развития, каждое отдельное языковое значение является лишь условно дискретной единицей, вычлененной из общего семантического континуума языка [7; 13]. Представляется поэтому возможным установить зафиксированные языком семантические зависимости лексем, начинающихся с определенного звука. Мы полагаем, что данным объединениям присуще единое целостное содержание, истоки которого следует искать в глубокой древности. И хотя в структуре древнеанглийской лексики с инициальным [b] могут быть выделены разные семантические поля, подавляющее большинство лексем принадлежат звукосимволическому полю обозначений *округлых, выпуклых предметов*, сопряженных с абстрактными понятиями *роста, бытия, рождения, света* и смежных с ними значений. Рассмотрим ассоциируемые понятия более подробно.

Большое количество древнеанглийских номинаций связано с индоевропейской³ процессуальной семантикой:

рождения, роста, существования: barn ребенок, потомство, beagwe корзина < и. – е. *bher₁ - нести, рождать; beorg холм, курган, burg город, brega правитель, принц < и. – е. *bhereg- подниматься, быть высоким; bêam дерево, крест, колонна,

¹ Этимологический анализ древнеанглийских слов базируется на данных словарей [4; 6; 18; 19].

столб, лес, корабль < и. – е. *bhou— *расти*; bêon *быть, существовать*, botl *дом*, bold *дом, замок*, bûg *дом*, byge *стойло, палатка*, bûan *строить*, bûnda *крестьянин*, bêow *зерно, ячмень* < и. – е. *bheu— *быть, существовать, расти* (здесь особо следует выделить абстрактный глагол бытия bêon *быть, существовать*, грамматические значения которого развиваются из конкретных лексических значений *роста, проживания, обитания*);

сгибания: beah *кольцо*, boга *лук для стрельбы* < и. – е. *bheug₃— *сгибать* (сюда относятся наименования *изогнутых, кривых, гибких объектов*);

сияния, света: berге *ягода* < и. – е. *bhâ — *сиять, блестеть*; beorc *береза*, beorht *светлый, яркий* < и. – е. *bherег- *светить, яркий, белый*; blæse *лампа*, bleo *голубой цвет*, blysa *факел*, blæge *пескарь* < и. – е. *bhel₁— *светить, сверкать, гореть, блестящий*; beber *бобер*, beга *медведь* < и. – е. *bher₃— *яркий, коричневый*.

Наименования *изогнутых, кривых объектов* нередко связаны с обозначениями *округлых, выпуклых объектов, сопряженных, в свою очередь, с семантикой*:

дуновения: blêd *ветка, цветок, плод*, blæst *дуновение, порыв ветра* < и. – е. *bhlê- *дуть*;

набухания: bolla *чаша*, bulluca *бык*, beallucas *testiculi*, *beall *мяч*, bælc *желудок* < и. – е. *bhel₂- *дуть, набухать*; breost *грудь, сердце, ум, мысль* < и. – е. *bhreus- *набухать, выпирать*; blôt *жертва* < и. – е. *bhlei- *дуть, набухать*; blæd *чаша*, bôsum *грудь* < и. – е. *bheu- *дуть, надувать*;

цветения: blôstma *цветок*, blôd *кровь*, blæd *лист*, blæd *жизнь, ум, дыхание, дух, успех, слава* < и. – е. *bhel₃- *цвести, разрастаться*;

нагревания, кипения: bæf *ванна, фонтан* < и. – е. *bhê— *нагревать*; д) brof *бульон*, brîw *каша*, bêog *пиво, мед*, brudeп *пиво*, brôd *потомство*, beogma *закваска, дрожжи, пена*, burn *весна, поток, колодец, ключ*, brand *факел, пламя, меч*, bræð *дыхание, вздох*, bræd *сырое мясо*, а также дериваты, связанные с приготовлением *пищи, пива, с ферментацией, рождением* < и. – е. *bhreue — *кипеть, пузыриться, гореть*.

В целом по данным исследуемого фрагмента лабиальной лексики вскрывается *единое семантическое пространство бытия, жизни, роста, материальных ценностей*, занимающее важное место в мифопоэтической картине мира.

К этому же пространству примыкают единицы, восходящие к индоевропейским прототипам *субстантивной семантики*: beard *борода* < и. – е. *bhardh-â— *борода*; bog *рука, плечо, ветвь, потомство* < и. – е. *bhâghu— *рука*; bêсе *бук*, bôс *книга, глава* < и. – е. *bhâgo- *береза*, brofor *брат* < и. – е. *bhrâter— *брат, родич, мужчина* — член *большой семьи на уровне поколения Ego*. Вышеперечисленные лексемы сопряжены с понятиями *родства, рождения и роста, растительности* (в природе и на теле человека), т. е. по существу «продолжают» семантику *бытия, жизни, роста*, присущую большинству *в*-лексем. В очерченный выше круг понятий вписывается индоевропейская лексема оценочной семантики *bhad— *хороший*: ей соответствует древнеанглийское слово bôt *помощь, поддержка*. Сюда же относится древнеанглийское наречие bî *рядом*, предлог be со значением *у, при, около* и местоимение begen (bâ) *оба, обе*, восходящие к понятиям пространственного положения и. – е. *bhi- < *ambhi — *вокруг, около*. Предлог be *у, при, около* в древнеанглийском языке имеет также коррелятивный префикс be-. Присоединяясь к существительным и глаголам, он либо сохраняет первоначальное значение *вокруг* (begân *ходить вокруг*, begong *путь, курс*), либо ослабляет это значение и соответствует значению русских префиксов о-, у- (behôn *увешивать*, besettan *осаждать*, befencan *обдумывать*).

Ряд древнеанглийских слов происходит от индоевропейских глагольных корней, на первый взгляд не связанных общностью значения, в частности, и. – е. *bhag— *выделять долю, богатство* (германское *bakka (n) *челюсть, едящий*; древнеанглийское buсс *щека, часть шлема*) и и. – е. *bher-gh — *прятать, хранить, оберегать* (древнеанглийское bogh *злог, дар, заем*). Вместе с тем содержательно эти слова

относятся к единому семантическому полю, ассоциирующему, наряду с понятиями *рождения, сгибания, сияния, дуновения, дыхания, разбухания, цветения, нагревания, кипения, роста, бытия*, понятия *материальных ценностей*. К последним, помимо *богатства, денег, займа, долга*, архаическое мышление относит понятие *человеческого тела*.

В итоге, как указано выше, формируется единое семантическое пространство, связанное с древнейшими архетипами *рождения, жизни, бытия, роста, силы, дыхания, света, цветения, плодородия, любви, бессмертия, вечности, возрождения*, которые легли в основу универсальных символов *ветви, березы, ягоды, зерна, пчелы, медведя, быка, бобра, собаки, рыбы, бороды, груди, дома, чаши, корзины, кольца, лампы* [4; 9; 12; 5] и многих других концептуальных сущностей, имеющих в качестве языковых эквивалентов **b**-лексемы. Это микропространство, по всей видимости, входит в общее семантическое макропространство языка, которое «образовано взаимопереплетающимися значениями. Связи между значениями, или валентности, являются следствием развития базисных звукоизобразительных [значений] и отражают ход познавательного процесса. Знание этих связей может оказаться неоценимым инструментом для этимолога ...», а «система семантических валентностей в состоянии наиболее полно и объективно описать закономерности зарождения и развития языка» [7; 11].

Ярким примером развития базисных звукоизобразительных значений может служить символика, связанная с древнеанглийскими существительными с инициальным [b]. При этом выстраивается сопряженная цепочка: *древнеанглийское слово – индоевропейский прототип — символ — значение символа* (табл. 1):

Таблица 1.

Древнеанглийские существительные, их индоевропейские прототипы, символы и значения символов.

д.а. слово	индоевропейский прототип	символ	значение символа
bearwe	*bher- нести, рождать	корзина	рождение, возрождение
bere	*bhars- ячмень	ячмень	плодородие
beah	*bheug- сгибать	кольцо	вечность, единство, сила, союз
bisce	*bheug- гнуть	собака	преданность, защита
berge	*bhv- сиять, блестеть	ягода	плод любви, бессмертие, возрождение
beorc	*bheræg- светить, яркий, белый	береза	защита, исцеление, духовное восхождение
blæse	*bhel- светить, сверкать, гореть	лампа	дух, жизнь, материнская забота
blysa	*bhel- светить, сверкать, гореть	факел	жизнь, желание, чувство любви
blæge	*bhel- светить, сверкать, гореть	пескарь	плодородие
beber	*bher- яркий, коричневый	бобер	трудолюбие, самопожертвование
bera	*bher- яркий, коричневый	медведь	плодородие природы
bolla	*bhel- дуть, раздуваться, набухать	чаша	духовная, физическая пища, бессмертие
bulluca	*bhel- дуть, раздуваться, набухать	бык	мужское начало, плодородие
Взо	*bhei- пчела	пчела	начало весны, плодородие, богатство
beard	*bhardh-в- борода	борода	бытие, жизнь
bold	*bheu- быть, существовать, расти	дом	убежище, защита, тело человека

К тому же семантико-символическому пространству может быть отнесено содержание, лежащее в основе египетского иероглифа и буквы германского рунического алфавита, соотносимых со звуком [b]: это изображение *дома, храма* (также *ноги*) и обозначение *березы* соответственно (ср. цепочку букв, связанных с рассматриваемым звуком, в частности, трансформацию древнеегипетского иероглифа в протосемитском, финикийском, древнегреческом, английском, руническом алфавитах, (рис. 1):

древнеегип.	протосем.	финик.	др.греч.	рунич.	совр. англ.
нога храм	bet дом			berkana береза	

Рис. 1. Буква *b* в различных алфавитах и ее «имена» [17; 1]; (о соотношении и взаимодействии буквы протосемитского и рунического алфавитов см. [8; 34]).

В одном из звеньев цепочки (в частности, в названиях буквы **B** в древнеегипетском, протосемитском, руническом алфавитах) наблюдается пересечение близких по смыслу значений «имени» буквы: *дома* — убежище, защита, тело человека, мистический центр, родовая память человека; *ноги* — контакт с матерью-землей, местонахождение силы, магическая власть, душа человека, плодородие и *березы* — защита, исцеление, любовь, духовное восхождение, мистический центр (Космическое Древо) [9; 12; 5].

Очевидно, что сопряжение в пределах исследуемого фрагмента лабиальной лексики пучка ассоциативных смыслов, связанных со звукоизобразительной семантикой *бытия, жизни, роста, материальных ценностей*, неслучайно. Оно указывает на очень древний источник семантической «метафоризации»: наглядно-образную форму ритуального мышления, потенциально сводящего в единый ряд все то, что в объективной действительности имеет иерархию. В языке же осуществляется привязка пучка сопряженных смыслов к определенной форме: фонема нагружается потенциальным семантическим содержанием. По наблюдениям А. Б. Михалева, взрывные лабиальные [В / Р] несут в себе базисные звукоизобразительные значения *взрыв, удар, булькать, надувать, говорить* и проявляют способность к образованию самых разнообразных производных семантических вариантов через установление основополагающих отношений *сходства и смежности*, свойственных процессу познания: *взрыв* > *громкий, большой, сильный*; *удар* > *ломать, валить, падать*; *булькать* > *кипеть, горячий, пар*; *надувать* > *объемный, полный, округлый*; *речевая деятельность* > *шептать, бормотать, лепетать, говорить* и т. д. [7; 10-11].

С. В. Воронин полагает, что связь лабиальных с обозначением *округлых, выпуклых, изогнутых предметов; бульканья воды, пузырьков воздуха, дыхания, дуновения ветра* и подобных явлений, является семантической универсалией [1; 100-102, 2; 151, см. также 18; 104-105]. По нашим данным, феноменологические концепты, связанные с **b**-лексемами, переосмысливаются древними германцами по линии *округлый* > *живой*; *выпуклость* > *плодородие*; *дуновение* > *дыхание, жизнь*; *расти* > *существовать*; *кипеть, бурлить, гореть, забродить* > *жить* и т. д.

Мифопоэтическое мышление далее нередко помещает в единую плоскость полярные значения. Это можно видеть на примере семантической группы древнеанглийских **b**-слов, в которой в качестве этимона выступают процессуальные значения *удара, битья, ломания, расщепления, разрезания, копания, трения*, находящиеся, на первый взгляд, в оппозитивных отношениях с семантикой *бытия*. При этом развитие индоевропейской семантики в родственных языках приводит, с одной стороны, к формированию значений, «продолжающих» семантику *бытия*, а с другой стороны, к появлению значений, связанных со понятиями *насилия, войны, убийства, жестокости, зла*. Целесообразно поэтому выделить в данной группе древнеанглийских **b**-лексем две подгруппы *позитивной* и *негативной* семантики.

Лексемы древнеанглийской подгруппы *позитивной* семантики *материальных ценностей* восходят к следующим индоевропейским прототипам:

bed кровать, тюфяк < и. – е. *bhedh — *копать*; bord доска, стол, щит, корабль < и. – е. *bherdh- *резать*; bird птица < и. – е. *bher — *резать, бить*; bêad стол, bodig тело < и. – е. *bheut — *бить, рубить*. Наиболее яркой лексемой в данном ряду является существительное bodig тело и его древнейший прототип, указывающий на «способ» сотворения человека и его тела (*бить, рубить* > *сколачивать*).

Единицы негативной семантики давления, насилия, войны, убийства, жестокости, зла связаны со следующими индоевропейскими корнями:

bolt копьеметалка < и. – е. *bheld — *стучать, ударять*; bîtl молоток, колотушка, bile клюв < и. – е. *bhau — *бить, ударять*; bona убийца, дьявол, ben рана < и. – е. *bhen — *бить, рубить*; beado битва, война, жестокость, bat борьба, спор, палка, дубина < и. – е. *bhât — *бить*;

bôr бурав, сверло < и. – е. *bher₂ — *резать, протыкать*; bil обоюдоострый меч, bite укус, bita кусок, крошка < и. – е. *bheid — *расщеплять, раскалывать*; brêc поломка, broga монстр, страх, bearhtm шум, звук, крик, борьба < и. – е. *bhreg — *ломать*; berstan лопаться, разрываться < и. – е. *bhres — *ломать*. В данной подгруппе слов наибольший интерес вызывают лексемы сугубо негативной семантики bona убийца, дьявол, ben рана, beado битва, война, жестокость, bat борьба, спор, палка, дубина, bil обоюдоострый меч, broga монстр, страх.

Таким образом, в результате совмещения оппозитивных значений в исследуемом фрагменте лабиального лексикона формируются два полярных полюса «словарной» семантики, передающие значения *бытия, жизни, роста, материальных ценностей / смерти, насилия, зла*. Мы убеждены в том, что природа значений древнеанглийских лексем, находящихся на «негативном» полюсе этой глобальной оппозиции, вторичного характера. Индоевропейские прототипы с семантикой *бить, резать, ломать* (за некоторыми «исключениями») – исходно позитивны.

Рассмотрим некоторые результаты количественного анализа реализации «словарных» значений **b**-лексики на текстовом уровне, которые вскрывают зависимость между: 1) частотой употребления **b**-лексем в целостном поэтическом тексте, 2) частотой употребления **b**-лексем в аллитерирующих контекстах и 3) семантикой наиболее частотных **b**-лексем.

Анализ, проведенный на материале древнеанглийской поэмы «Беовульф»² (табл. 2 и диаграмма 1), показывает, что количество **b**-лексем (826 слов) составляет примерно 5% от общего количества всех слов поэмы (17351 единица) (эти лексеммы входят в состав 221 строки поэмы с аллитерирующей инициальной [b] и составляют соответственно 7% от общего числа всех строк поэмы (3182 строки)). Данные свидетельствуют о том, что по частоте употребления **b**-лексеммы приближаются к «среднему» положению в таблице, «опережая» количество словоупотреблений с инициальными [n], [l], [d], [t], [c], [r] и «следуют» за инициальными [h], [p] ([ð]), [s], [g], [w], [f], [m].

Таблица 2.

Количество слов, начинающихся с определенной инициали (по данным поэмы «Беовульф»)

№	инициали слов	количество слов определенной инициали		№	инициали слов	количество слов определенной инициали	
1	гласный	3242	18,68 %	9.	[b]	826	4,76 %
2	[h]	2254	12,99 %	10.	[n]	554	3,19 %
3	[p] ([ð])	1853	10,68 %	11.	[l]	497	2,86 %
4	[s]	1848	10,65 %	12.	[d]	360	2,07 %
5	[g]	1710	9,86 %	13.	[t]	286	1,65 %
6	[w]	1525	9,79 %	14.	[c]	262	1,51 %
7	[f]	1019	5,87 %	15.	[r]	142	0,82 %
8	[m]	973	5,61 %				
общее количество слов в поэме: 17351 (100 %)							

² Иллюстративный материал приводится по книге [11].

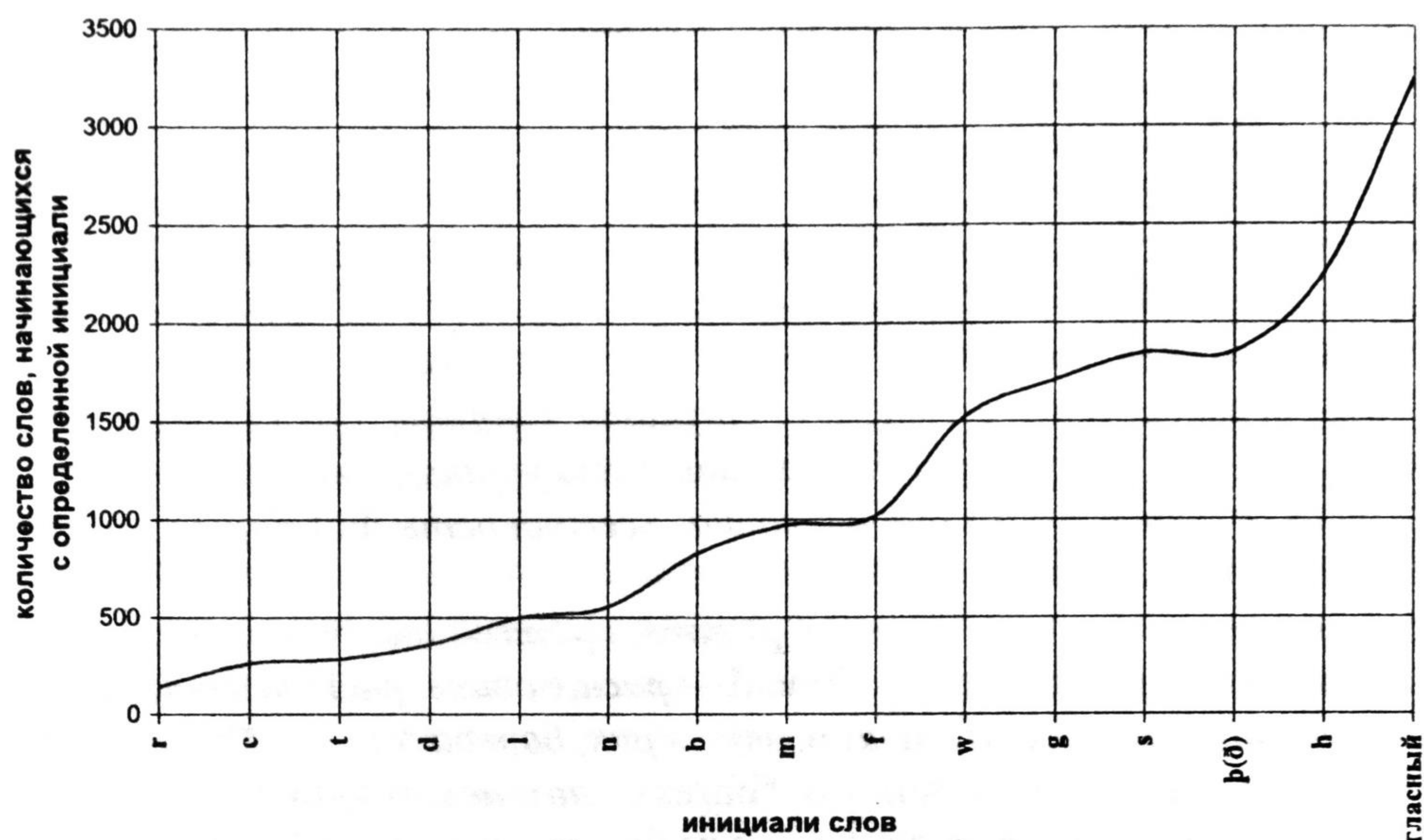

Диаграмма 1. Количественное распределение слов, начинающихся с определенной инициали (по данным поэмы «Беовульф»).

Анализ частотности **b**-лексем далее показывает, что, по данным *первой тысячи* наиболее употребительных слов в поэме «Беовульф», самыми частотными лексемами с инициальным [b] (из общего количества 307 единиц) являются представители единого звуко-символического пространства бытия, жизни, роста, это, в частности, существительные *Beowulf Беовульф*³, глагол *beagan нести, рождать*, предлог *be (bi) у, при, около, возле*, соответствующий ему префикс *be-* в составе слов *besom, besomt пришел, behold заметил, begong путь, курс, bewunden обмотанный*, глагол бытия 3 л., ед. ч. *biþ есть*, существительные *beag кольцо, blod кровь, beagta закваска, beogn сын, человек*, глагол *bugnan гореть*, существительные *bugne кольчуга, buge сын, потомок, bæl огонь, пламя* и другие в количестве 260 лексем (табл. 3). Будучи этимологически связанными с передачей *позитивных* значений *рождения, сгибания, сияния, дуновения, дыхания, нагревания, кипения, роста, бытия* и примыкающих к ним понятий, эти лексемы составляют 84,7% от общего количества наиболее частотных **b**-лексем поэмы.

Негативный полюс оппозиции представлен четырьмя (!) лексемами (6,5%), восходящими к индоевропейским прототипам *удара, битья, ломания, расщепления, разрезания*.

Количественное преобладание в тексте поэмы, посвященной *битвам, баталиям, военным конфликтам, кровной мести, ненависти, злу, насилию* в виде монстра Гренделя и его матери, **b**-лексем *позитивной* семантики свидетельствует о: 1) ярко выраженной доминанте **b**-лексикона – семантике *бытия, жизни, роста, материальных ценностей*, 2) о вторичности *негативных* значений древнеанглийских лексем, восходящих к индоевропейским прототипам *бить, резать, ломать* (за исключением некоторых лексем, в частности, *bill обоюдоострый меч*), 3) о первичной «созидательной» семантике последних (в частности, *резать = созидать, оформлять*, ср.: д. а. *boġian сверлить*, рус. *борть дупло, выдолбленное дерево*, арм. *brēm выкапываю, высверливаю* < и. – е. **bher-* *обрабатывать острым орудием*), 4) о несовместимости *позитивной* семантики **b**-лексики с понятиями *насилия, войны, убийства, жестокости, зла*, 5) о выражении последних средствами иных фрагментов древнеанглийского лексикона, в частности, **g**-лексикой, ср.: д. а. *gūf битва, война* < и. – е. **ghen-* *убивать, уничтожать, преследовать (неприятеля)*.

³ Имя Беовульф означает пчелиный волк, т. е. медведь [4; 498].

Таблица 3

Частотность **b**-лексем в поэме «Беовульф» (по данным первой тысячи слов)⁴.

Лексемы единого семантического пространства и подгруппа позитивной семантики	Частотность		Подгруппа негативной семантики	Частотность	
Beowulf, biowulfe, beowilfe, biowulfe <i>Беовульф</i>	45	14,66 %	bona, bonap <i>убийца</i>	7	2,28 %
beran, byreb, bæg, bæron, boren <i>нести, рождать</i>	30	9,77 %	brecan, bræc <i>ломать</i>	7	2,28 %
be, bi <i>у, при, около, вокруг</i>	25	8,14 %	broga <i>монстр, страх, ужас</i>	3	0,98 %
префикс be- в составе глаголов besom, beswom, behold, begong, bewunden	24	7,82 %	bealonip <i>ненависть, жестокость</i>	3	0,98 %
biþ <i>быть, существовать</i>	21	6,84 %			
beagas, beaga <i>кольцо</i>	13	4,23 %			
blode, blod <i>кровь</i>	10	3,26 %			
bearm, bearme <i>закваска</i>	9	2,93 %			
beorn, beorna <i>сын</i>	9	2,93 %			
byrnan <i>гореть</i>	8	2,61 %			
byrne, byrnan <i>кольчуга (кельт. заимствование)</i>	8	2,61 %			
byre <i>сын, потомок</i>	7	2,28 %			
bæl, bæle <i>огонь, пламя</i>	7	2,28 %			
beore, beorsele <i>пиво</i>	6	1,95 %			
buton <i>предлог но, кроме</i>	6	1,95 %			
breost, breostum <i>грудь</i>	6	1,95 %			
beorges <i>гора</i>	5	1,63 %			
beorhte <i>яркий</i>	5	1,63 %			
bega <i>оба</i>	4	1,3 %			
blæd <i>слава, успех</i>	3	0,98 %			
bold <i>дом</i>	3	0,98 %			
bote <i>помощь, поддержка</i>	3	0,98 %			
bryttan <i>дающий, господин, Бог</i>	3	0,98 %			
Всего:	260	84,7 %		20	6,5 %
прочие лексемы	27	8,8 %			
Общее количество наиболее частотных слов: 307 (100 %)					

На ту же зависимость указывает частотность употребления лексем с инициальным [b] в составе аллитерирующих словосочетаний и целых строк: наиболее распространенные коллокации, которые встречаются в тексте поэмы, содержат аллитерирующие **b**-лексемы единого семантического пространства *бытия, жизни, роста, материальных ценностей*, ср., в частности, сочетания burh ond béagas *казной и землями*, bed æfter búgum (*стелить*) *постели вдали от дворцовой кровли*, beornas on blancum *воины (букв. сыны) на белых конях*, bold wæs betlic *строение было прекрасно*, beorn in burgum *человек (букв. сын, потомок) в крепости*.

Аналогичным образом, аллитерирующие строки, в которых употребляются лексемы единого звуко-символического пространства, также преобладают (их количество составляет 182 строки — 82,35% от общего количества строк с аллитерирующей инициальной [b]). При этом контекстуальная реализация «словарной» семантики анализируемых слов напрямую связана с семантическим пространством *бытия, жизни, роста*, которое создают **b**-лексемы в следующих микротекстах: 1) *Beowulf wæs bréme / blaéd wide sprang* *Знатен был Беовульф / слава широко разнеслась* [18]; 2) *álédon þá léofne féoden / béaga bryttan / on bearm scipes* *возложен был любимый конунг / колец даритель / на лоно ладейное* [34 - 35]; 3) *... ða líðende / land gesáwon, // brimclifu blícan, / beorgas stéape* *моряки увидели землю // гористый берег, / белые скалы* [221- 222]; 4) *setton saémépe / síde scyldas // rondas regnhearde / wið þæs recedes weal // bugon þá ty bence / byrnan hringdon* (*они*) *сложили, утомленные дорогой / щиты широкие // с твердым ободом / к стене зала / присели на скамью / кольчуги*

⁴ В таблице не представлены 27 лексем различной семантики (в том числе и несколько лексем неясной этимологии). В целом эти лексемы занимают около 9% от общего количества наиболее частотных слов поэмы.

зазвенели [325-327]; 5) ... Léoht éastan sóm // beorht béacen godes / brimu swaюredon
Свет пришел с востока // яркий Божий светоч / волны утихли [569-570].

Контексты, в которых доминировали бы лексемы подгруппы *негативной* семантики, в тексте поэмы практически отсутствуют, ср., в частности, единственную коллокацию **billa brógan** *страх обоюдоострого меча*. Мало количество аллитерирующих строк с лексемами сугубо *негативной* семантики – всего лишь 3 строки (1,35%), в частности: 6) ... **ða se gist onfand** // þæt se beadoléoma bítan nolde *и вскоре гость узнал // что меч не захотел ударить* [1522-1523]; 7) **Þá ic on morgne gefrægn** / maég óðerne / / **billes ecgum on bonan staélan** *Затем услышал я на утро / мечом воздал за убийство родича родич* [2484-2485].

Как правило, слова *негативной* семантики употребляются наряду с «*позитивными*» лексемами, т. е. распространены контексты смешанной семантики — *позитивной* и *негативной* одновременно, ср.: 8) **ne hýrde ic súmlícor** / séol gegyrwan ... // **billum ond byrnum** / him on bearme læg // **mádmá mænigo** *Я не видел ладьи, оснащенной лучше, чем эта ... // мечами и кольчугами / на лоне ее лежали // сокровища многие* [38; 40-41] (в процентном соотношении количество смешанных контекстов составляет 16,28%).

Таким образом, наиболее интенсивное контекстуальное взаимодействие демонстрируют лексемы с инициальным [b], передающие совокупность значений *бытия, жизни, роста, материальных ценностей*, формируя, таким образом, зависимость между «словарной» семантикой **b**-лексики, ее символической «жизнеутверждающей» направленностью и контекстуальной реализацией, частотностью **b**-лексем *позитивного* семантического спектра и их активным участием в глубинных смыслообразующих структурах поэтического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Издательство ЛГУ, 1982. 244 с.
2. Воронин С. В. Фоносемантика и этимология // Дiachроническая германистика. Межвузовский сборник. СПб: Издательство СПбГУ, 1997. С. 131-169.
3. Гамкрелидзе Т. В. К проблеме «произвольности» языкового знака // Вопросы языкознания. 1972. № 6. С. 33-40.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. Ч. 2. 1330 с.
5. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: Refl-book. 1994. 608 с.
6. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков. Черновцы: Рута, 2000. Т. 1., 262 с.
7. Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. Краснодар: Издательство ПГЛУ, 1995. 213 с.
8. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. 58 с.
9. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 1999. 448 с.
10. Якобсон Р. О. Звук и значение // Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 30-91.
11. Beowulf: a Dual – Language Edition. Translated with an Introduction and Commentary by H. D. Chickering, Jr. 416 p.
12. de Vries Ad. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam, L.: North-Holland Publishing Company, 1974. 515 p.
13. Fischer, O. Iconicity in Language and Literature. Language Innovation and Language Change // Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki. 1997. V. XCVIII. P. 63 - 87.
14. Haiman, J. Natural Syntax: Iconicity and Erosion. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 285 p.
15. Haiman, J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation // Language. 1980. V. 56. № 3. P. 515-540.

16. Jakobson, R., Waugh, L. R. The Sound Shape of Language. Bloomington London: Indiana University Press, 1979. 308 p.
17. The World Book Encyclopedia. Chicago, Sydney, Toronto: World Book, Inc., A Scott Fetzer Company, 1985. V. II. 640 p.
18. Walde, A. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1927. B. II. 716 s.
19. Watkins, C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston, N. Y.: Houghton Mifflin Company, 2000. 148 p.

Ольга Ивановна КОУРОВА —
докторант Уральского государственного
педагогического университета,
кандидат филологических наук, доцент

УДК 008 (100) (075. 8)

ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ)

АННОТАЦИЯ. В статье отмечается актуальность введения термина «лингвокультурная ценность» в курс «Лингвокультурологии», предлагаются определение и критерии этого понятия. Теоретические установки подтверждены анализом традиционно-поэтической лексики и фразеологии, которая рассматривается в качестве лингвокультурной ценности.

This article notes the actuality of an introduction of the term «lingvocultural value» into the course «Lingvokulturologia», suggests the definition and the criteria of this conception. These theoretical directions are confirmed by analysis of the traditional-poetical vocabulary and phraseology.

Исследование проблем взаимодействия языка и культуры в последнее десятилетие заметно актуализировалось, что обусловлено переходом современной лингвистики к антропологической парадигме.

В рамках нового направления наряду с другими дисциплинами возникла лингвокультурология, предметом которой является корреспонденция языка и культуры, целью — «изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [1].

Ведется поиск культурных ценностей как объекта лингвокультурного анализа. Свой выбор мы остановили на традиционно-поэтической лексике и фразеологии, которой называем устойчивый набор слов и выражений с окраской лиричности, регулярно воспроизводимый преимущественно в средних жанрах сентиментальной и романтической литературы конца XVIII— первой трети XIX вв., например, *богиня красоты, возжечься, время золотое, светило дня, сойти на берег Ахерона, странник земной, утро дней.*

Исследование такой уникальной культурной парадигмы, как традиционно-поэтическая лексика и фразеология, имеет выход на аксиологию — философское учение о ценностях.

Проблема ценностей возникла в эпоху античности. Ценностные характеристики включались в понятие бытия. С течением времени это понятие усложнялось.

В начале XX в. французским философом П. Лапи был введен термин аксиология (от греч. *axia* — ценность и *logos* — учение) для наименования философской дисциплины, исследующей «категорию `ценность`, характеристики, структуры и